

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

Он подарил нам слово «Родина»

Г. Р. Державин — поэт и администратор

Поэта Гаврилу Романовича Державина Россия не забудет. Он — в хрестоматиях и учебниках. Впечатляет, восхищает, словно какой-нибудь дворец в пригороде Петербурга. Мы видим его в ансамбле новгородского памятника Тысячелетней России и петербургского памятника Екатерине Великой. Мы (я надеюсь!) частенько повторяем крылатые выражения из стихов Державина: «Отечества и дым нам сладок и приятен», «Учиться никогда не поздно», «Где стол был яств, там гроб стоит»... Но судьба действительного тайного советника Державина — это не только сборник стихов, но и череда административных, управленческих сражений. Сам Гаврила Романович считал себя в первую очередь человеком государственным и поэзию воспринимал прежде всего как инструмент исправления нравов. Волшебный, таинственный — но инструмент! А еще он верил в правосудие. С детства видел, как несправедлива бывает Фемида, сколько слез приносят людям тяжбы, склоки...

Подполковник Роман Николаевич Державин, отец поэта, умер, когда Гавриле едва исполнилось одиннадцать. Осталось пятнадцать рублей долга и несколько десятков дворов с крестья-

нами в разных деревнях Казанской губернии. Осиротевшую семью оттесняли со спорных клочков земли, каждый старался обворовать вдову, оставшуюся без защитника. Ее жизнь переместилась в негостеприимные кабинеты столоначальников. Много лет спустя Державин вспоминал: «Мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по несколько часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотели никто выслушать ее порядочно; но все с жестокосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали».

А там! — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.

После таких плачевных картин мудро не разочароваться в судебной системе, да и в государстве. Но Державин пылко верил: пагубная ситуация исправится, если мы создадим справедливые законы и станем неукоснительно их исполнять. В духе времени он задумывался о просвещенной монархии, о продолжении петровских дел. Когда, во многом бла-

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений — член Союза писателей, лауреат программы «Новые имена» Российского Фонда культуры и конкурса «Интеллект XXI века», кандидат филологических наук.

годаря своему поэтическому таланту, Державин занял высокое положение в политической элите екатерининского века, он стал инициатором нескольких громких судебных процессов, связанных с явлением, которое в XX веке назвали «коррупцией».

Честный суд Державин воспринимал как земной аналог страшного суда:

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит:
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной...

Державину посчастливилось творить в те полнокровные десятилетия, когда империя набирала силу. По выражению Безбородко, «ни одна пушка в Европе без соизволения нашего выстрелить не могла». Русский мир расширялся на глазах державинского поколения: освоена Новороссия, нашими стали Дунай, Крым, Кубань, наконец Варшава. Что требуется государству в годы экспансии, в годы славных побед? Армия уже доказала свою доблесть, но победителям необходимы триумфальные арки и гимны. Державин с его мудростью и простодушием, с его энергичным оптимизмом, со вкусом к простонародному юмору в империи наследников Петра Великого по праву чувствовал себя по-хозяйски. И в гимнах улавливал главное: богатырский восторг от того, что силушка играет в плечах:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, славный Росс!
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потряс!
Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас...

«Все наше! Нет храбрее русского солдата!» — эти возгласы передают характер «чудо-богатырей», для которых не было невозможного ни на поле боя, ни в дипломатических баталиях.

Победа не вызывала задних мыслей — это наследники Державина научатся все подвергать сомнению, а жалость к побитым чужестранцам станет для них важнее, чем верность российской короне. Державин не отделял себя от империи, соблазн бунтарства не мог одолеть убежденного государственника. Для него победа была мерилом правоты — будь то победа на бранном поле или над собственными пороками... Лень, корыстолюбие, тщеславие — это тоже враги, которых необходимо одолевать.

Державин в свое время на много лет задержался в солдатах. В Преображенском полку непросто было опериться, не имея связей и денег. Быть солдатом родовитому дворянину непросто, подчас невыносимо — особенно, если чувствуешь себя просвещенным человеком. Приходилось нести повинности гвардейского курьера. Потомок грозного мурзы Багрима разносил приказы по офицерам.

В «Записках» Державин вспоминал — вроде бы иронически, но с затаенной горечью: «В одном из таковых путешествий случился примечательный и в нынешнем времени довольно смешной анекдот. Князь Козловский, живший тогда на Тверской улице, прапорщик третьей роты, известный того времени приятный стихотворец, у посещавшего его, или нарочно приехавшего славного стихотворца Василия Ивановича Майкова, читал сочиненную им какую-то трагедию, и как приходом вестового Державина чтение перервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: “Поди, братец служивый, с богом; что тебе попусту зевать? ведь ты ничего не смыслишь”, — и он принужден был выдти».

Это воспоминания старика, увенчанного лаврами, который, тем не ме-

нее, этой обиды не забыл, помнил в интонациях и деталях реплики Козловского и Майкова. Он впервые увидел поэтов (настоящих! почти знаменитых!), стал свидетелем литературного разговора, почти что приобщился к тайнам творчества. И Козловского, и Майкова он ценил высоко и, конечно, хотел бы с ними побеседовать. Очень скоро Державин станет первым поэтом России и одним из самых влиятельных политиков империи. Он с улыбкой напомним Майкову об их первом знакомстве. Майков, конечно, не вспомнит солдата, но сконфузится.

Даже пустяковый чин капрала не шел к нему в руки. Некоторых нерадивых соратников уже повесили, а Державина обошли. Почему?! Пришлось скомкать гордость и обратиться к майору Орлову — да-да, к тому самому екатерининскому орлу Алексею Григорьевичу. Орлов обещал разобраться — и вскоре несправедливость была исправлена. Это случилось незадолго до переворота, который взметнет на пьедестал новую императрицу и ее «орлов». Державин навсегда сохранит в сердце благодарное чувство.

Пропуском в высший свет для Державина стала ода «Фелица», которую он страшился публиковать. Это одна из счастливых случайностей XVIII века. Он стал собеседником монархини, «певцом Фелицы» — и чины уже не запаздывали за славой. Служба его продолжалась на заметных должностях: губернатор, кабинетный секретарь императрицы, президент Коммерц-коллегии... Много лет он и слыл, и являлся одним из влиятельнейших сенаторов. А во времена «дней Александровых прекрасного начала», по существу, возглавил консервативное крыло управленцев.

Государственные деятели того времени относились к будням статской службы с легким пренебрежением. Аристократическая расслабленность

редко сочетается со служебным прилежанием. Многих увлекали прогрессивные красивые проекты, но охотников до черной работы среди первых российских министров не было — кроме Державина. Пройдет время — и некоторые бывшие «молодые друзья царя» (например, министр внутренних дел князь В. П. Кочубей) приобретут державинскую хватку, переварив многолетний опыт государственной службы. Но в те годы их раздражала дотошная вьедливость Державина — во все-то он вникал, во всем сомневался. Даже к прогрессивному (по мнению современников, по мнению учебников всех времен!) Указу о вольных хлебопашцах отнесся скептически, а предприимчивых и сплоченных иудеев считал угрозой для самодержавного Отечества. Крепостник, реакционер, заскорузлый политический старовер, да и только. Его высмеивали в оскорбительных эпиграммах.

В чем обвиняли Державина? Весной 1788 года в Тамбов прибыл комиссионер Гарденин, занимавшийся закупками провианта для армии. Чтобы расплатиться с помещиками-поставщиками, комиссия должна была воспользоваться предназначенными для этого деньгами из местной казны. Но вице-губернатор Ушаков, недруг Державина, отказал в выплате. Не подпустил комиссию к кошельку... По-видимому, у него нашлись интересы поважнее государственных. Шла война, армия Румянцева сражалась на берегах Днестра, в Финском заливе шведский флот атаковал русские корабли — и Державин, как патриот, не мог медлить. Он быстро провел ревизию губернской казны, выявил 177 тысяч рублей, в том числе и специально ассигнованные для провиантской комиссии 17 тысяч. Без промедлений приказал выдать нужную сумму Гарденину. Тут бы и поставить точку в этой

истории. Но генерал-губернатор Гудович посчитал это превышением полномочий губернатора — и началось «провиантское дело». Затравленный Державин возвратился в столицы: его уволили из губернаторов и отдали под суд.

Вот как бывает — забота об армии, о государстве наказуема! Купцы и ростовщики раздирают казну, а Державин должен каяться в превышении полномочий, в нарушении субординации... Эта история напоминает недавний позорный сюжет с отключением электроэнергии в частях Ракетных войск в Ивановской области. Армия оказалась в долгу перед РАО ЕЭС! Что им армия — ростовщикам и бюрократам?

Да и в том лишь дело? Сколько благородных начинаний погребло в бесплодных попытках пробиться сквозь секретарские заслоны... Державин действовал упрямо, подчас назойливо — и после всех неурядиц его снова приближали к престолу. Помогала поэзия: Екатерина ценила раскрепощенный тон державинских стихотворных комплиментов. Он стал кабинет-секретарем императрицы — и доводил ее до белого каления бесконечными обстоятельными докладами то о злоупотреблениях банкира Сутерланда, который наложил на себя руки, то о невиновности иркутского губернатора Якоби, которого обвиняли в измене. За юридическими крючками он умел разглядеть судьбы людей и государственный интерес. Александр Первый, учредив министерства, назначил Державина министром юстиции — первым в истории России. Державин и тут проявил ершистый нрав: он не скрывал, что критически относится к правительственной реформе молодого царя. Но министерский портфель принял...

С первых дней службы он принимал заботы ведомства близко к серд-

цу, не оставлял себе времени даже для дружеских обедов, которые так любил и воспевал. Заглянем в ежедневник первого российского министра юстиции — и поразимся деловитости Державина, его энергии и дисциплине:

«Воскр. Поутру в 10 часов во дворец к императору с мемориями и докладом сената.

Понед. Поутру в 11 часов во дворец в совет.

Вторн. Поутру в 9 часов во дворец к императору с разными докладами, а после обеда в 6 часов в комитет министерства.

Среда. Поутру в 7 часов до 10-ти говорить с гг. обер-прокурорами и объясняться по важнейшим мемориям, а с 10-ти часов ездить в сенат по разным департаментам по случаю каких-либо надобностей.

Четв. Поутру в 8 часов и до 12-ти дома принимать, выслушивать просителей и делать им отзывы.

Пятн. Поутру с 7-ми до 10-ти часов другой раз в неделю заниматься с обер-прокурорами объяснением по мемориям, а с 10-ти часов ездить в сенат в общее собрание и в тот же день после обеда в 6 часов во дворец в комитет министерства.

Суббота. Поутру от 8-ми до 12-ти часов принимать, выслушивать и отзывы делать просителям.

Затем, после обеда в воскресенье, понедельник, среду, четверг и субботу с 6-ти до 10-го часа вечера заниматься с гг. секретарями прочтением почты, выслушанием и подписанием заготовленных ими бумаг для внесения в комитет и иногда в сенат, а также и прочитыванием откуда-либо полученных посторонних бумаг, кроме почты.

Наконец, каждый день поутру с 5-ти до 7-ми часов заниматься домашними и опекунскими делами и ввечеру с 10-ти до 11-ти часов беседою приятелей, и в сей последний час запирасть

вороты и никого уже не принимать, разве по экстренной какой нужде или по присылке от императора, для чего в какое бы то ни было время камердинер должен меня разбудить».

Никто из молодых управленцев не мог угнаться за «стариком Державиным». Ни минуты праздности, ни малейшей скидки на возраст Державин себе не позволял! Министр отлаживал работу аппарата, стремясь создать прочные связи с обществом, потенциальными и явными участниками судебных процессов. Он на собственном опыте знал, чем чревата бюрократическая неповоротливость. У юстиц-министра не было юридического образова-

ния, но он окружил себя специалистами, которым доверял. В своем ведомстве министр не допускал корыстных побуждений, строго контролировал работу подчиненных ревизиями, вникал в тонкости бесчисленных документов... Один из первых докладов

министра юстиции Державина был посвящен сокращению канцелярского делопроизводства. Император одобрил этот проект. Державин ввел в обиход краткие записки, оперативные извлечения из дел, ускорявшие работу чиновников.

«Таковое сокращение производства и основательность решений приближает, конечно, к той священной цели, чтобы сенат как верховное судилище был примером всему государству правого суда, деятельности и скорого удовлетворения тяжущимся», — утверждал Державин в докладе. Но его усердие уже утомляло государя. Отставка Державина сопровождалась легендарным и вполне метким изре-

чением императора Александра: «Ты слишком ревностно служишь». Государь предлагал ему компромисс, но Державин отказался от сенаторской синекуры, от повышенного жалования, отказался от Андреевской ленты — и, под свист недругов, бесповоротно удалился от государственных дел. Или министром, или никем! — он и в старости остался максималистом.

Он не довольствовался ролью патриарха русской литературы, мечтал снова отличиться перед монархом, восстановить влияние при дворе, наконец, послужить ко славе Родины. Родина... Не знаю, что рекомендуют новейшие прописи, но я пишу слово

Гаврила Романович Державин первым произнес слово «Родина» в значении «Отчизна». Не первым из поэтов, а вообще — первым и точка. Это одна из заслуг Державина перед русским языком, да и перед народным самосознанием.

«Родина» с большой буквы и переучиваться не собираюсь. Гаврила Романович Державин первым произнес слово «Родина» в значении «Отчизна». Не первым из поэтов, а вообще — первым и точка. Это одна из заслуг Державина перед русским языком, да и перед народным самосознанием. Именно у нас, в России, возникло понятие «измена Родине». Не просто государственная измена, а нечто более святотатственное. И эту высокую мерку предложил нам именно Державин.

После отставки он прожил без малого тринадцать лет. Летом 1812 года армия Наполеона неумолимо продвигалась на восток. Неужто нашлась сила, с которой не может потягаться русский

солдат? Державин видел причину поражений в предательстве армейской и политической элиты, пропитанной немецким и масонским духом. Старый поэт чувствовал себя Кассандрой: много лет он предупреждал, что необдуманные реформы прытких юнцов, не знающих страны, доведут до беды. И вот — французы в Москве. Это ли не катастрофа? Сбылось пророчество, но лучше бы не сбывалось...

Слава Богу, Державин успел и прославить в стихах победы 1812—1814 годов, и оплакать смерть Кутузова, и приветить юного Пушкина... Новый взлет империи вернул ему вдохновение. Он вспоминал свои солдатские годы, лейб-гвардии Преображенский — и по-военному приветствовал победителей «забавным русским слогом»:

Спесь мы Франции посбили,
Ей кудерки пообрили...
Дайте чашу пьяной браги:
Генералов в честь отваги
Выпьем мы ее до дна;
За казачью хитрость, сбойство,
За солдатское геройство —
Дайте чашу нам вина!

Еще в молодые годы он придумал для себя эпитафию: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы». Этим словам не суждено было опоясать державинский могильный памятник. На его могиле в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре нет афористической эпитафии. Под старость лет Державин, волжанин, гордившийся родством с татарским мурзой Багримом, полюбил новгородскую землю, напоминавшую ему об истоках русского государства. Там и нашел упокоение.

Жизнь его вмещала и небесное, и земное. Он оставил нам и несравненную молитву в стихах, и мечту о централизованном и честном государстве, в котором вельможи не сибаритствуют, а чиновники не воруют. Великий русский поэт, энергичный администратор, отчаянный правдолюбец, веривший в Бога на небе и разумные законы на земле. ◆